

Владимир Погудин

18+

Мир драконов. Сага о Богардионе

Владимир Погудин

Мир драконов. Сага о Богардионе

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Погудин В. А.

Мир драконов. Сага о Богардионе / В. А. Погудин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-98326-7

Это повесть расскажет об удивительном и захватывающем мире драконов, их общественном устройстве и обычаях, познакомит с укладом их жизни, а также поведаст историю о величайшем драконе, когда-либо ступавшем на землю Суперконтинента - великом и могучем Богардионе, властителе всего сущего, тысячи лет безраздельно правившего миром. Вы узнаете историю восхождения Богардиона, которая была пропитана борьбой и кровью, а также о времени его правления, не менее драматичном и захватывающем. Ведь удержаться на вершине всегда куда сложнее, чем забраться на нее, тем более когда другие драконы постоянно посягают на твою власть, и род людской набирается сил и становится опаснее с каждым годом!..

ISBN 978-5-532-98326-7

© Погудин В. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Дракон расправил крылья	5
Дракон пробудился	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Погудин

Мир драконов. Сага о Богардионе

Дракон расправил крылья

Богардион – исполин среди драконов. Древнее, чем первые людские сказания. Могущественнее, чем все людские короли, вместе взятые. Мудрее, чем все пророки прошлого. Прожорливее, чем сам огонь. И алчнее, чем весь род людской.

Он спал, свернувшись вокруг горы запасенного им за тысячелетия его правления на Земле золота, и сам был, словно гора. От его мерного дыхания по земле прокатывалась дрожь, а из ноздрей его вырывался пар, как из гейзеров. От жара томящегося внутри него пламени земля вокруг его груди и горла выгорела дотла и обуглилась. Вокруг него царила гробовая тишина, ибо никто и ничто не смело потревожить его сон. Ведь в ярости Богардион ужасен. Но и в милости щедр.

Он – царь и король, единоличный владелец и правитель всего живого и неживого, простирающегося на тысячи и сотни тысяч миль вокруг, он здесь закон и правосудие. И людские правители смеют казать свой нос из своих замков и пытаться наводить свои порядки и решать свои междоусобные дрязги, лишь когда Богардион спит, а до тех пор они лишь смеют выказывать ему почтение и смирение и одаривать дарами. Всех драконов Богардион подчинил своей воле, и ни один из них не смеет оспаривать его владычество или бросить ему вызов, и уж тем более залетать в его владения без его ведома и разрешения. Даже если он спит.

А спать Богардион может не одно столетие. Но чуток его сон, и никто не смеет даже близко подходить к его несметным богатствам, в попытках покушаться на них.

Но он не всегда был так силен.

Родился он из яйца, обычного, темно-зеленого и небольшого, как и все прочие драконы. Драконы по своей природе свирепы и очень прожорливы, особенно в детстве, когда им требуется очень быстро прибавлять в размерах, чтобы не быть убитыми межевыми рыцарями или сожранными своими собственными братьями. На свое несчастье, вылупился он позже всех, и его старший брат Сократион успел пожрать всех его братьев и сестер и значительно превзойти Богардиона в размерах и силе.

Но, возможно, именно в этом и крылся секрет его дальнейшего восхождения.

Яйцо с ним лежало в прохладной и сырой низине под утесом у самого моря, в то время как прочие яйца находились на пляже в огромном драконьем гнезде на самом припеке. Поэтому, получая в достаточном количестве солнечного тепла и света, они все вылупились в срок, а Богардион запоздал, а, возможно, мать и вовсе решила, что в яйце с ним мертвый зародыш, и откатила его подальше от гнезда, или в процессе кладки оно соскользнуло с края гнезда и закатилось под утес, и она вовсе этого не заметила.

Богардион несколько недель сидел в своей низине под утесом, питаясь всем, что приносил ему прилив в его небольшую заводь, и медленно подрастал. Практически слившись с окружающей средой, как хамелеон, он наблюдал из своего укрытия за своим братом, которого мать постоянно подкармливала и уже учила выдыхать огонь, изучал его привычки и повадки, его пристрастия, и думал о том, как бы ему спастись и тайком незаметно сбежать из своего вынужденного заточения, невольником которого он стал с рождения.

В его укрытии ему становилось уже тесно, время поджимало. И вот одной темной безлунной ночью, скользя по самой земле, как змея, Богардион выполз из своего убежища и ушел в море. Извиваясь в воде, он плыл, практически не создавая плеска волн, и брат не услышал его.

Богардион не знал, что такое море, суша и небо, ведь всю свою сознательную жизнь он провел в своей пещере под утесом, а мать не имела возможности научить его. Но, как в первые минуты после своего рождения, он, учуяв запах смерти, донесшийся до него из гнезда его матери, инстинктивно почувствовал опасность и понял, что надо укрыться и наблюдать, так и сейчас он инстинктивно чувствовал, что надо уплыть подальше от этого места.

Богардион плыл всю ночь – это не доставляло ему особого труда. Поддавшись инстинктам, он пробовал задерживать дыхание и нырять. Темной ночью в глубокой воде видно плохо, но все его драконьи чувства как будто резко обострились, и с каждым разом он нырял все глубже и глубже и проводил под водой все больше и больше времени, и в предрассветные часы даже сумел поймать себе на завтрак несколько рыб.

Богардион плыл так несколько дней и ночей. Днем он наслаждался припекавшим ему спину солнышком, и шкура его становилась розовой. Ночью же он наслаждался морской прохладой, и шкура его приобретала металлический сине-зеленый оттенок. И на протяжении всего своего путешествия он наслаждался подводной охотой, успехи в которой только предавали ему сил.

И вот на рассвете очередного дня Богардион заметил на горизонте какой-то силуэт. Сфокусировавшись на нем и втянув ноздрями поглубже воздух, он понял, что это земля. Богардион решил, что его брата там уж точно нет, а значит там безопасно, и направился к берегу.

Достиг он его лишь через несколько часов. Но берег представлял собой каменистый утес, взобраться на который, на первый взгляд, не представлялось возможным. Но Богардион только изучал этот мир, и свои возможности в том числе, и для него не виделось преград – только возможности и новые открытия. И он без страха ринулся на каменистую стену, неприступной громадой возвышавшуюся из бурлящей и пенящейся у ее подножия воды. На ней ему впервые довелось опробовать всю силу своих мышц и крепость когтей. Врубаясь ими в камень, как скалолазы врубаются ледорубами в ледник, Богардион полез вверх по скале, а его атлетичные мышцы играли желваками под сверкающей на солнце шкурой.

На вершине утеса молодой дракон увидел залитое солнцем плато, поросшее густой зеленой сочной травой. В траве бродили какие-то существа, их было довольно много, большие и маленькие, и ели эту траву. Их запах, да, впрочем, как и множество других запахов, окутавших Богардиона, как только он достиг вершины, был ему незнаком. Но древний инстинкт, не засыпавший в драконе ни на минуту, и тут подсказал ему, что эти существа – такая же пища, как и рыба в море. Свое мастерство рыбной ловли Богардион за время своего путешествия отточил достаточно хорошо, но тут другое – тут суша, твердая земля.

Молодой Богардион не ощущал своих размеров относительно прочих предметов в окружающем мире, он не знал, велик он или мал. Все рыбы, которых он ловил в море, были, по меньшей мере, втрое меньше его. Среди же существ перед ним были и такие, которые превышали размеры Богардиона втрое. Он счел разумным не трогать их, а попробовать добыть себе кого-то поменьше, с себя размером. Таких там тоже было достаточно, хотя и толклись они среди крупных особей. Были и поменьше.

Рыбу ловить было относительно просто, ее не нужно было выслеживать, достаточно было просто резко атаковать ее сверху, когда она проплывает под тобой, ну или догнать не очень проворных особей. Другого способа Богардион пока не знал, и поэтому просто, вразвалочку, как ящерицы, быстро направился к стаду.

Завидев его, животные насторожились – такого зверя они еще не встречали и не знали, чего от него ожидать, но как Богардион инстинктивно почувствовал в них добычу, так и они инстинктивно почувствовали исходившую от него угрозу. Они стали разворачиваться в сторону приближавшегося дракона, вставая бок о бок друг к другу и защищая молодняк. Богардиону не понравилось, что между ним и его добычей встали звери покрупнее, но опасности для себя он в этом не увидел и лишь ускорил свой бег.

Животные при его приближении стали беспокоиться еще сильнее, начали реветь, мотать головами с увесистыми рогами на них и бить копытами в землю, всем своим видом давая понять незваному гостю, что ничего хорошего при вторжении в их стадо его не ждет и лучше ему их обойти стороной. Но Богардион их угроз не понял и продолжил свой набег. Когда его отделяло от ближайшего зверя не более двадцати метров, животное потеряло терпение и выскочило Богардиону навстречу. На полном ходу они сшиблись лбами.

К слову сказать, рога у молодого дракона тоже имелись, как и утолщенный лоб в месте их срастания, а кости у драконов крепки, как титан.

От удара Богардион отлетел в сторону, в голове у него звенело. Зверь, который нанес ему такой сокрушительный удар, тоже получил свое, и теперь стоял на месте оглушенный и мотал головой. Другие животные стали медленно подступать к дракону, стараясь оттеснить его назад к краю утеса.

Потерпеть неудачу Богардион позволить себе не мог, и яростно бросился на своего обидчика. Животное тоже уже пришло в себя и встретило нападавшего ударом рога в бок. Дракон же в ответ полоснул его по горлу своими острыми, как кинжал ассасина, когтями. Кровь хлынула из разорванной глотки зверя, но и Богардион не ушел из схватки невредимым.

Кожа у драконов прочна, как рыцарские доспехи. Но это у взрослых драконов. У молодых драконов, таких размеров, каких достиг Богардион, она не прочнее кожи обычного ящера аналогичного размера. Лишь крепкие кости спасли его от повреждения внутренних органов, но рана все равно была довольно существенная.

Богардион впервые в жизни испытал боль. Чувство это было столь неприятным и невыносимым, что он впервые в жизни взревел. Рев этот разлился по окрестностям на многие мили, эхом отразившись от прибрежных скал. Животные в ужасе развернулись и бросились прочь от дракона, уже не заботясь о своем молодняке. По груди Богардиона разлился приятный жар, запах крови издыхающего у его ног животного дурманил разум. В порыве охотничьего азарта он бросился вслед за стадом и быстро настиг одного отставшего молодого теленка. Он яростно набросился на него, разорвал своими кинжальными когтями и зубами и сожрал. Буквально за полчаса он не оставил от своей добычи ни косточки. Новый вкус понравился молодому дракону, как понравился ему и адреналин схватки. Только рана на боку оставляла горькое послевкусие от новой победы и нового полученного опыта познающего мир молодого дракона. О ней он вспомнил, лишь покончив с трапезой. Рана жутко болела, и кровь залила ему весь бок. Богардион изогнул шею и инстинктивно принялся вылизывать рану, пока кровь не перестала идти. Тогда он вернулся к туше убитого им зверя – этого мяса ему точно хватит на несколько дней. Он будет ее охранять, пока не съест полностью. Да и рана заживет за это время – на драконах быстро все заживает.

Богардион свернулся клубком рядом с тушей и задремал.

Место, куда судьба занесла Богардиона, было островом. Островом довольно крупным, по площади сравнимым, пожалуй, с современной Ямайкой¹. И климат на нем был близок к тропическому.

Когда Богардион покончил с тушей, а рана на боку уже перестала сильно его беспокоить, он отправился исследовать остров.

Как выяснилось с течением времени, на острове было в достатке воды и пищи (хотя драконы могут прекрасно долгое время обходиться без сна, пищи и воды, а также пить и усваивать соленую морскую воду, достаточное питание помогает им стремительно расти). Остров имел продолговатую форму, вытянувшись с северо-запада на юго-восток. В северо-западной его оконечности высились горы, с которых стекали в большом количестве на расположенное на юго-востоке плато мелкие речки, образуя водопады и небольшие заводи и сливаясь в одно

¹ Площадь Ямайки составляет 11190 км² (источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_островов_по_площади).

большое озеро у подножья гор. Озеро это, подпитываемое вдобавок подземными ключами, служило истоком для одной большой реки, рассекавшей остров практически пополам и дававшей достаточно влаги для буйной растительности тропических лесов, захвативших остров практически до самого побережья. Раскинувшиеся вдоль береговой линии участки травянистой растительности привлекали туда стада травоядных животных.

После схватки с буйволом, не достигнув еще достаточно крупных размеров, Богардион стал выбирать себе добычу более осмотрительно. Поскольку более мелких быстроногих жвачных обитателей равнин он догнать не мог, поскольку бегал все-таки недостаточно быстро, чтобы угнаться за ними, он научился выслеживать их у водопоя у реки и нападать из засады. Второй тактикой его охоты со временем стало распугивание своим ревом взрослых буйволов и отделение слабого молодняка от основного стада – совсем молодых и уже подросших телят Богардион догнать был способен. Лишь только формируя свои пищевые и вкусовые пристрастия и повадки, Богардион не чурался и пробовать все новое: ящериц, змей, зазевавшихся на земле птиц, обезьян, листья и фрукты (но не мясная пища пришлась ему не по вкусу).

Но, как оказалось, на этом острове не только Богардион может убить и съесть кого-то – также кто-то может убить и съесть его. Это открытие молодой дракон сделал для себя, когда исследовал побережье реки, впервые набредя на нее. Он брел по мелководью вверх по течению, обнюхивая и изучая новый для себя мир, и набрел на небольшую заводь со стоячей водой. Стоя у самой кромки воды, несколько животных раза в полтора крупнее молодого дракона, с длинными шеями и тонкими витиеватыми рогами на головах, пили воду. Они не заметили Богардиона, и он замер, скрываемый тенью нависших над водой веток деревьев, и стал наблюдать. Богардион находился с подветренной стороны, и учуять его животные у водопоя тоже не могли. Пока он раздумывал, как можно одного из них поймать и стоит ли вообще пытаться или лучше найти себе добычу по размеру, в воде у самой шеи одного из склонившихся над водой животных буквально что-то взорвалось, а животные у водопоя в ужасе бросились врассыпную. В следующий миг, когда взлетевший вверх сноп брызг осыпался обратно в воду, Богардион увидел крупное – вдвое крупнее него и чем-то его внешне напоминавшее – создание с длинной продолговатой мордой, вцепившееся мертвой хваткой в горло бьющейся в агонии рогатой жертвы, замешкавшейся чуть больше остальных. Еще через мгновение животное крутанулось по спирали, завалив свою еще сопротивляющуюся добычу на бок, и стало медленно утягивать ее за собой под воду. Минуту спустя они оба скрылись под водной гладью, и больше ничто не напоминало о разыгравшейся тут только что трагедии.

Проанализировав увиденное, Богардион решил покинуть мелководье. Пить он стал теперь только из мелких речек, ручьев или водопадов, где не было возможности затаиться такому крупному хищнику, как увиденный им в реке, а также пил морскую воду. От мысли плавать в реке, несмотря на все свое желание, он также отказался, а охотился он на водопоях только из засады на суше.

Случай, когда Богардион уже сам оказался в роли добычи, а не сторонним наблюдателем охоты, произошел с ним спустя три недели после случая на реке. Дракон мирно дремал, покошачьи свернувшись клубком в корнях большого дерева. Внезапно что-то вцепилось ему в шею, а в следующее мгновение тяжелые холодные кольца принялись обвивать его тело. Лапы его прижало к туловищу, и воспользоваться своими когтями он не мог. Богардион бешено метался в холодных тисках, мотал головой изо всех сил, пытаясь освободить шею из пасти невидимого нападчика, молотил изо всех сил хвостом, пытаясь хоть как-то зацепить врага – все было тщетно, и холодные объятия смерти с каждым его движением, с каждым его выдохом сжимались все сильнее. Богардион обладал немислимой силой для создания его размеров, но охотник, выбравший молодого дракона в качестве своей жертвы, был в разы сильнее. И вот, когда дышать ему стало уже практически невозможно, и разум его стал затуманиваться, Богардион почувствовал сильнейшее жжение в груди. Через мгновение жжение это переросло в

жар, разлившийся на всю грудину и проникавший в горло и буквально раскаливший за минуту докрасна шкуру дракона. Почти сразу Богардион почувствовал, что хватка врага слабеет. Еще через минуту он почувствовал новый для себя запах – запах горелой плоти, и почти сразу же после этого кольца, обвивавшие его тело, опали, и создание выпустило его горло из своей пасти. Освободившись, Богардион резким скачком отпрыгнул подальше. Голова его закружилась от прилившего кислорода, а перед глазами заплясали темные круги. Мотнув головой, дракон отогнал их от себя и уставился на создание, еще минуту назад чуть не прикончившее его. Перед ним на земле корчился, сплетая и расплетая свои смертоносные кольца, огромного размера удав. Вся шкура его была лимонного цвета, и лишь в тех местах, где она соприкасалась с грудной дракона, она была черного цвета, обугленная по краям и местами лопнувшая и начавшая слезать от полученных ожогов. Жар в груди Богардиона пылал по-прежнему, и он, выдохнув из ноздрей струйки дыма, с ревом бросился на своего обидчика. В несколько прыжков достигнув его головы, одним яростным рывком он оторвал ее от туловища.

Змея еще некоторое время извивалась на земле, но это больше не волновало Богардиона. Враг был повержен, жар в груди постепенно стихал. Этот урок, полученный в джунглях, молодой дракон запомнил на всю жизнь. А еще он уяснил, что внутри него зарождается какая-то мощная сила, но что это за сила, как ее использовать и как контролировать, он пока не понимал. Случай испытать ее снова представился Богардиону несколько недель спустя, когда он опять оказался не в роли охотника, а в роли жертвы.

После нападения в джунглях молодой дракон решил отправиться в горы, которые он периодически видел на горизонте возвышающимися над кронами деревьев, когда оказывался на открытом пространстве и ничто не загораживало ему обзор.

Очередной день пути клонился к закату, когда Богардион достиг предгорья. Он неспешно ковлял среди огромных валунов, когда-то скатившихся с пологих ныне утесов, и раздумывал, чем лучше заняться ему ночью: продолжить свой путь (в темноте драконы видят не хуже кошек) или устроиться под каким-нибудь валуном и вздремнуть (не потому, что он устал, а потому, что дорога изрядно ему наскучила). Вдруг позади себя наверху валуна, который он только что миновал, Богардион услышал шорох. В следующий миг его накрыла чья-то тень, что-то тяжелое обрушилось сверху ему на спину и придавило к земле, и чьи-то острые когти вцепились ему в бока, разодрав шкуру. Инстинктивно дракон вскинул голову вверх и запрокинул ее назад, ударив уже подросшими рогами нападавшего. Только это и спасло ему жизнь: его удар пришелся в самую цель, и охотник не успел вцепиться ему в шею своими острыми зубами, а вместо этого получил сильнейший удар по голове. Почувствовав, что соперник оглушен и несколько ослабил хватку, дракон резким рывком оттолкнулся от земли и выгнул спину. Начавшие уже костенеть шипы на его шкуре на спине, наподобие шипов, которые есть у ящерицы молох, а также уже более ярко выраженный гребень, идущий от основания черепа вдоль всего позвоночника до самого кончика хвоста, впились в тело нападавшего десятками уколов, и Богардиону, тряхнув телом, удалось сбросить обидчика со спины. Моментажно развернувшись в сторону нападавшего, Богардион почувствовал уже знакомый жар, разгоравшийся в груди. Нападавший на него зверь был недолго ошарашен полученным отпором и уже изготовился к новому прыжку, но, оказавшись с драконом «лицом к лицу», несколько замешкался идти в лобовую атаку. У Богардиона же тем временем появилась возможность рассмотреть наглеца.

Это был зверь с короткой шерстью темно-рыжего окраса, весь покрытый темными пятнами. Ощерившись в злобном оскале, он казал Богардиону свои острые зубы с длинными клыками, глаза горели кровавым огнем в отблесках заходящего солнца, короткие уши были плотно прижаты к плоскому черепу, из горла доносилось приглушенное рычание. Длинный пушистый хвост существа извивался, подобно змее. Большие мускулистые лапы оканчивались широкими пальцами с острыми когтями, которые Богардион уже успел отведать на себе.

Не дожидаясь следующей атаки, Богардион сам перешел в наступление. Сделав резкий выпад вперед, он попытался схватить зверя зубами. Но зверь оказался проворнее, чем мог ожидать Богардион, и успел отскочить в сторону, в следующий же миг молниеносной серией ударов передней лапой располосовав дракону морду под самым глазом. Но и дракон сумел преподнести ему «сюрприз»: ударом хвоста он отбросил зверя на камни. Раздался глухой звук удара и хруст ломающихся ребер. Зверь издал жалобный писк и сполз по валуну на землю. В ярости борьбы Богардион рванулся к нему и, раскрыв пасть, обдал его жаром из печи своих легких. Вскочив на ноги, зверь бросился бежать со всем доступным ему проворством. Богардион попытался преследовать его, но зверь быстро ушел в отрыв и скрылся в сгущающихся сумерках.

Еще долго Богардион не мог усмирить жар, распалившийся в его груди гораздо сильнее предыдущего раза, и около часа бродил кругами среди валунов, выдыхая струи дыма и пара из своих ноздрей.

Несколько месяцев Богардион провел в горах, после чего спустился обратно в предгорье и обосновался у озера. Весь недостаток скудного рациона, полученного им в горах, он с лихвой компенсировал на раздольях бурлившего жизнью приозерного края. Уроки и опыт, полученные им в первые месяцы пребывания на острове, он усвоил хорошо. Он научился правильно оценивать свои размеры относительно живых и неживых предметов окружавшего его мира, соизмерять свои силы и силы выбранной им жертвы на охоте, определил свое место в пищевой цепи острова. Он избегал встречи с крокодилами, жившими на реке, стал гораздо осторожнее в своих передвижениях по острову и в выборе места для сна, стал гораздо искуснее на охоте, хотя не брезговал и падалью. И он рос, крепнул и развивался.

Следующий значительный скачок в его развитии и становлении в качестве дракона произошел на третий год его пребывания на острове, и связан он был тоже с очень стрессовой для него ситуацией.

Богардион, доросший уже до размеров молодого буйвола, перестал особо опасаться приходивших на водопой напиться. Он видел, что крокодилы, как правило, не атакуют крупных животных, и размеры Богардиона уже позволяли ему надеяться на то, что и его они побоятся атаковать. Несомненно, осторожность он проявлял по-прежнему, но стал гораздо увереннее в себе и даже немного самонадеян. Атак огромных змей и других хищников, населявших остров, он уже не боялся, поскольку среди хищных животных, здесь обитавших, в силе и размерах конкурировать с ним могли теперь только крокодилы, изредка среди которых встречались настоящие гиганты.

И вот в один ясный изнуряюще жаркий день, покинув свое прохладное укрытие под сенью тропического леса, Богардион вышел к реке напиться. Постояв с пару минут на берегу, приняв себя и приглядев себя, он не заметил никаких признаков опасности и спокойно вошел в воду. Лишь только он склонился к воде, чтобы попить, из-под водной глади слева от него вырвался громадный крокодил с разинутой пастью, готовый перекусить шею молодого дракона пополам. Лишь отточенная за годы жизни в джунглях реакция и быстрота мышц, удесятеренные мощнейшим выбросом адреналина, не дали Богардиону погибнуть. Он метнулся в сторону, в груди его тут же вспыхнул позабытый уже драконом жар. В тот же миг что-то с чавканьем отделилось с обеих сторон от тела молодого дракона. К его собственному удивлению, это были крылья, которые до этого он считал обычными кожистыми складками на бесполезной рудиментной третьей паре лап, которой он даже и двигать-то особо не мог. Взмах крыльев пустил волну по воде и позволил Богардиону оторваться от земли, уклонившись тем самым от атаки. Жар внутри него тем временем заполнил всю грудину, легкие его буквально разрывались. Не в силах больше это выносить, дракон со свистом выдохнул. Струя пламени, вырвавшаяся у него из глотки, обдала пролетавшего мимо него в прыжке крокодила, с шипением плюхнувшегося в воду.

Сделав еще пару взмахов, Богардион неуклюже приземлился на траву недалеко от кромки воды. Крокодил больше не показывался, и лишь удаляющаяся от берега рябь еще некоторое время тревожила поверхность воды. Ошарашенный не меньше, наверное, самого нападавшего, Богардион осторожно сложил крылья. Потом снова их расправил. Потом снова сложил. Очень необычное и приятное чувство!

Не менее приятным оказалось и выдыхать огонь. Разлившийся вначале в груди жар теперь уже не мучил его, а лишь приятно согревал теплвшимся внутри огоньком.

Осознав столь неожиданно открывшиеся для него новые навыки и только догадываясь о том, какие они могут открыть для него возможности, Богардион решил немедленно отправиться в предгорье, чтобы на более подходящей местности попрактиковать навыки полета и выдыхания огня.

Каждый день Богардион практиковался без усталости.

Поначалу он учился просто взлетать на валуны. Иногда у него получалось, иногда нет. Тогда он начинал злиться и разжигать огонь в груди, после чего обдавал струей пламени неприступный камень. С каждым днем у него получалось все лучше и лучше и одно, и другое.

Когда он смог безошибочно взлетать и садиться на валуны, он стал учиться перелетать с одного камня на другой. Вскоре он смог преодолевать расстояние сразу в несколько валунов и подниматься в воздух на несколько десятков метров. Огонь внутри себя он тоже научился хорошо контролировать: самостоятельно распалить и унимать жар, а также контролировать напор и количество выдыхаемого пламени. И с каждым днем вершины гор манили его к себе все настойчивее.

Одним ясным прохладным утром он не смог больше противиться этому зову и направился к вершинам. Подъем занял почти весь день, и, поднявшись на высоту в несколько сотен метров, когда солнце уже стало опускаться за горизонт, Богардион увидел вдали отвесный утес. Без раздумий он направился к обрыву. Свежий разряженный горный воздух лишь усиливал зов внутри него, наполняя решимостью, и, достигнув края утеса, молодой дракон рывком оттолкнулся от скалы и камнем бросился вниз. Раздался хлопок расправляемых крыльев, и через пару мгновений дракон взмыл вверх, устремился к облакам и воспарил над вершинами гор. На фоне багрового диска заходящего солнца дракон расправил крылья по-настоящему.

Это изменило в жизни Богардиона буквально все!

Совершенствуя с каждым днем искусство полета, он теперь мог в очень короткое время попасть из любой точки острова в любую, мог контролировать и лучше изучать территорию острова, выслеживать добычу с большого расстояния, оставаясь незамеченным. Обретя уверенность в полете, Богардион сразу же принялся оттачивать приемы охоты с воздуха, быстро поняв все ее преимущества. Теперь он всегда ел и пил вдоволь, рос еще быстрее прежнего, чувствовал себя в полной безопасности и буквально неуязвимым.

Со временем он начал отлетать от острова и парить над морем. Скользя над морской гладью, он стал вспоминать, какое наслаждение доставляло ему купание в море, когда он, спасая свою жизнь, уплывал подальше от побережья, где был рожден. Так нырять с воздуха в море стало его новым развлечением. Теперь Богардион снова мог позволить себе ловить рыбу, и теперь его добыча была значительно крупнее, чем несколько лет тому назад, а находиться под водой он мог в разы дольше. Постепенно он отлетал от острова все дальше и дальше, и его отлучки в море становились все продолжительнее.

В эти годы Богардион наслаждался жизнью!

С годами он стал задаваться вопросом, почему он не встречает других драконов? Не то, чтобы он жаждал встречи с ними, и тем более он не знал, что такая встреча может ему сулить, но их отсутствие начинало казаться ему странным, и этот вопрос стал все чаще будоражить его разум.

Однажды приливом вынесло на берег останки существа, похожего на дракона. Но туша слишком долго пробыла в воде и над ней хорошенько потрудились морские обитатели, да и на берегу на солнце она пролежала, по всей видимости, не один день, прежде чем случайно попала на глаза Богардиону, и точно определить, как существо выглядело при жизни, не представлялось возможным.

Богардиона стали одолевать и другие вопросы, связанные с его местом и предназначением в этом мире, а также стало хотеться расширить горизонты своих познаний об окружающей его действительности, пока ограниченной береговой линией острова и морем вокруг него. Все это породило смутную тревогу внутри него, которая, как раковая опухоль, разрасталась со временем все больше и больше. И вот однажды Богардион решил оставить остров и отравиться исследовать мир дальше за его пределами.

С тяжелым сердцем он покидал остров, на протяжении трех с половиной десятков лет служивший ему домом и так полюбившийся ему. Богардион дал себе слово обязательно вернуться сюда, как только он найдет ответы на мучившие его вопросы.

Начать свое путешествие он решил с того места, в сторону которого он никогда не летал во время своих морских прогулок и о котором у него остались только тягостные, смутные воспоминания, места, о котором он ничего не знал и откуда он бежал практически сразу после своего рождения при первой представившейся ему возможности. Это было побережье, где он был рожден.

Издали еще Богардион заметил, что на берегу гнездятся драконы. Само место их гнездовья представляло собой зажатую меж двух скал полоску песка шириной около полутора километров и клином вдававшуюся вглубь материковой части суши километра на три-четыре. Драконьи гнезда были расположены полукругом на расстоянии около 100-150 метров друг от друга, и всего их было 13. Над каждым из них копошились драконы размером поменьше Богардиона, преимущественно матового серо-зеленого окраса. Окрас же Богардиона был насыщенного сине-зеленого цвета с металлическими переливами на солнце. Все драконы были обращены в сторону огромного камня, расположенного практически в центре образованного гнездами полукруга. На этом камне, свернувшись клубком и спрятав голову под крыло, дремал дракон, бывший крупнее всех прочих, находившихся на пляже, размером не уступавший Богардиону. И шкура его была черна, как уголь.

Поскольку в сторону моря никто из драконов не смотрел, появление Богардиона было замечено, только когда он пронесся над пляжем, и его огромная тень закрыла солнце. Благодаря сытой и вольготной жизни на острове Богардион действительно вырос до значительных даже по драконьим меркам размеров: в длину от кончика носа до кончика хвоста он достигал 9,5 метров, вес его составлял более 1,5 тонн, а размах крыльев – около 17-ти метров.

Как только драконы заметили его появление, в гнездовье начался переполох: самки, почти моментально изменив свой окрас на практически идентичный с цветом песка на пляже (эта способность не раз помогала Богардиону затаиться в засаде среди буйной растительности на водопое), распластались над своими гнездами, в некоторых из которых уже суетились маленькие дракончики, ощерили шипы на спинах и принялись шипеть и клацать зубами на Богардиона, когда он пролетал над ними, а некоторые даже плевались в него огнем. Дремавший же на камне дракон – а это, несомненно, был самец, предводитель этого клана драконов – услышав переполох, вскинул голову из-под крыла и уставился на Богардиона.

Богардион, описав над пляжем полукруг, медленно опустился на раскаленный песок (хотя через свою толстую шкуру он не чувствовал, насколько он раскален) и принялся наблюдать за вожаком. Тот, в свою очередь, пристально наблюдал за ним. Что-то сильно настораживало обоих друг в друге. Глубоко втянув ноздрями воздух несколько раз, Богардион узнал запах, исходивший от черного дракона. Это был Сократион, его брат.

Видимо, Сократион на каком-то подсознательном уровне почувствовал, кем является Богардион, ведь он никогда не видел его раньше и вообще не знал о его существовании до этого момента. Наверное, понимание это пришло к нему на подсознательном уровне, сродни тому, как Богардион всегда, с самого рождения знал, как его зовут, хотя никто никогда не мог ему этого сообщить. Однако вместо радостных братских объятий Богардиона ждала свирепая схватка.

Сорвавшись с камня, Сократион с яростным ревом бросился на Богардиона. Завязалась жестокая драка. Ошеломленный, Богардион первое время мог только отбиваться и уворачиваться от ожесточенных нападков своего брата, который, как выяснилось позднее, был гораздо искуснее в поединках с драконами, нежели Богардион. Однако характер, закаленный в постоянной борьбе за выживание в первые годы своего существования, вкупе с навыками охоты в тропических джунглях, полученными Богардионом на острове в ранние годы его жизни, помогли ему, уловив подходящий момент, рвануть соперника зубами за плечо и перейти в контратаку. Теперь уже Богардион теснил Сократиона к скалам, яростно атакуя его и не давая ни на секунду опомниться и перевести дух. Но Сократион был опытный боец и вскоре нашел способ отбить очередную атаку своего брата и перевести ее в свое контрнаступление.

Так они и сражались в течение часа, поочередно атакуя и отбиваясь, обдавая друг друга струями пламени, молотя хвостами, коля рогами и рвя зубами и когтями. Пляж на месте их битвы превратился в нечто невообразимое: целые пласты земли были вывернуты наружу, а песок повсюду вокруг был залит кровью и обожжен огнем, столь горячим, что в некоторых местах он расплавил песок и превратил его в стекло.

Но у обоих драконов силы были уже на исходе. И вот, проведя очередную удачную контратаку, Богардион отеснил противника к скалам и буквально зажал его в ловушку, не оставив места для маневра. Сократион, казалось, уловил удачный момент, чтобы вырваться и перейти в наступление, и сделал опасный выпад вперед. Однако древние первобытные инстинкты, которыми всю жизнь руководствовался Богардион, взяли верх над опытом, полученным Сократионом в сражениях с другими драконами. Сократион ошибся, Богардион ловко увернулся в сторону от его острых зубов и, распоров шкуру в очередном месте на боку своими острыми когтями, швырнул Сократиона на отвесную стену возвышавшегося позади него утеса. От такого удара у Сократиона буквально выбило из легких весь воздух, и последние силы оставили его. Не в силах дальше продолжать борьбу, он решил спастись бегством, и, расправив крылья, принялся яростно ими махать в попытке взлететь, пока Богардион не настиг его. Но попытка его оказалась тщетной: Богардион одним огромным скачком преодолел разделявшее их расстояние и, схватив уже поднявшегося в воздух Сократиона за хвост, резким рывком бросил его обратно на землю. Времени и сил, чтобы подняться, у него уже не было. Последнее, что почувствовал Сократион, это смыкающиеся на его шее челюсти его брата...

В драконьем обществе было не принято пожирать себе подобных, каннибализм для них под запретом (это простительно и позволительно только детенышам и то, если мать не уследила за ними), и трупы своих сородичей они скидывали в море. Но Богардион этого не знал, ведь у него не было матери, чтобы научить его этому. Поэтому он пожрал своего поверженного брата. На этого у него ушло чуть более двух недель, пока он не обглодал все до последней косточки. Это предало ему небывалых сил, раны все почти затянулись, ожоги зажили (огонь не причиняет вреда драконьей шкуре, если не нарушена ее целостность; в местах, где его шкура была разодрана зубами, когтями и рогами Сократиона, Богардион получил еще и сильнейшие ожоги от его пламени), и он вырос буквально за считанные дни. Лишь тогда он осмелился подойти к гнездовью.

Все время, начиная с начала схватки и заканчивая приходом Богардиона к ним, самки лишь наблюдали за ним со стороны и продолжали ухаживать за детенышами, поочередно периодически отлучаясь на охоту. Когда же он пришел в их гнездовье, они покорно склонили перед

ним головы. Теперь Богардион был значительно больше, чем в день, когда он поверг Сократиона, а шкура его из сине-зеленой стала оранжево-красной с желтыми переливами и буквально пылала на солнце, как сам огонь. И теперь он стал главой этого клана.

Богардион не знал ничего о мире драконов: ни об их порядках, ни о социально-общественном устройстве, ни об их истории, ни о том, какое место определили они себе в этом мире. Он не знал даже их языка, ведь некому было его научить. Поэтому Богардион остался править кланом, чтобы всему научиться и все узнать.

История драконьего племени насчитывала не один десяток тысяч лет. Будучи столь древним родом, став в ходе эволюции практически совершенными созданиями, драконы давно утвердились на вершине пищевой пирамиды. У драконов было даже собственное социальное устройство: они жили небольшими кланами, как правило, не более 20-ти особей. Правил кланом альфа-самец, в подчинении у которого находилось от одного до двух десятков самок с детенышами (однако бывали и исключения из общего правила, когда один могущественный дракон объединял под своим крылом несколько небольших кланов, и тогда численность его клана могла достигать сотни особей). Самки заботились о детенышах, кормили, воспитывали их, учили летать, выдыхать огонь и охотиться, а также общаться на драконьем языке. Самец также участвовал в воспитании и кормлении своих отпрысков, а также охранял клан и свои территории от чужаков. И даже если чужак захватывал клан, в котором в тот момент находилось подрастающее потомство сверженного им дракона, он не убивал детенышей, как это делают дикие звери других видов (львы, например), а принимал их и продолжал участвовать в их воспитании. По достижении пятилетнего возраста драконы-подростки изгонялись из клана и отправлялись осваивать незанятые другими драконами территории и основывать собственные кланы. Только после изгнания своего прежнего потомства самка дракона могла принести новое.

Драконы росли всю жизнь при наличии достаточного количества пищи. Сколько жили драконы, никто не знал, ведь за всю историю в преданиях не было зафиксировано ни одного случая смерти дракона от естественных причин. Все драконы-самцы погибали в схватках за территорию и власть над своим кланом при вторжении других драконов-одиночек. Самки, как правило, погибали либо в стычках с другими самками в гнездовье (причин этих стычек могло быть очень много, хотя, конечно, не каждая заканчивалась гибелью особи; в случае вторжения чужака, в битвах самцов они никогда не участвовали и не поддерживали предводителя клана, однако иногда они гибли от зубов и когтей расвирепевшего в пылу битвы пришельца; бывало, они даже гибли и от зубов и когтей собственного предводителя, в случаях, если выказывали непокорность или как-то гневляли его), либо от истощения, отдавая все силы на прокорм своего потомства, если их заставляли тяжелые времена и пищи вдруг становилось мало. По этой же причине самки никогда не вырастали до крупных размеров – большую часть пищи они отдавали своим детенышам. Молодые драконы нередко гибли на неудачной охоте. Самый старый дракон погиб в возрасте пятисот с небольшим лет, и, как гласят предания, размером он был лишь вдвое больше нынешних размеров Богардиона. Обычно же драконы редко доживали до своего столетнего юбилея.

Драконы никогда не употребляли в пищу мясо своих сородичей, даже если речь шла об их собственном выживании – в принципах морали, сформировавшихся в их обществе за многотысячелетнюю историю, это было строжайше запрещено. Трупы всех мертвых своих сородичей они сбрасывали в океан, объясняя этот обычай особым родом подношением, которое они платят морю. И, несмотря на то, что гнездиться драконы предпочитали на морском побережье, воды они сильно боялись. Драконы никогда не ныряли, не охотились на рыбу и уж тем более не плавали ради собственного удовольствия. Говорили, что маленькие драконы еще умели хорошо плавать, но по мере взросления они утрачивали этот навык и никогда не стремились его восстановить. Вообще, драконы предпочитали приближаться к воде, только чтобы утолить жажду.

Страх этот был непонятен для Богардиона – плавать, нырять и охотиться на рыбу он очень любил. Самки из его клана пытались объяснить природу этого их страха тем, что вода населена жуткими тварями: в ней обитают как громадные существа, поднимающиеся из глубин океана и способные проглотить взрослого дракона целиком, так и невидимые глазу создания, обитающие на поверхности воды и способные через нос, рот или слуховые отверстия проникнуть в мозг дракона и свести его с ума. Ни одних, ни других Богардион ни разу в жизни не встречал и лишь дивился и усмехался про себя глупым предрассудкам, укоренившимся в драконьем обществе.

Будучи, по сути, сиротой, выросший вне драконьего общества, Богардион был свободен от всех их странных и глупых обычаев, ограничений и предрассудков. Он был своего рода Маугли среди драконов: дикий, необузданный, руководствующийся первобытными инстинктами и законами дикой природы, а не законами и выдуманскими порядками общества его сородичей, за свою жизнь он нарушил все их табу и запреты. Буквально с рождения вода стала его второй стихией, которую он любил наравне со стихией воздушной. А лишь только очутившись в драконьем обществе, он убил и сожрал предводителя драконьего клана, своего сородича и брата, захватившего власть над этим кланом около десяти лет назад после возвращения из странствий после своего изгнания матерью. Мясо дракона сделало Богардиона больше и сильнее, чем он мог себе когда-либо представить, и потом он, уже узнав, что каннибализм в среде драконов под запретом, долгое время размышлял над тем, почему драконы сознательно отказываются от такого мощнейшего источника силы. Но он так и не смог найти для себя ответа на этот вопрос. Войдя в клан, Богардион нарушил еще одно строжайшее драконье табу: подавшись своим первобытным инстинктам, он пожрал все потомство поверженного брата. Самки неистовствовали от горя. В ярости, две из них набросились на Богардиона, но, будучи вдвое крупнее их обеих, он быстро расправился и с ними. Остальные предпочли подчиниться судьбе.

За все свои действия Богардион сыскал в клане ярую нелюбовь и неприязнь, но он любви от них и не требовал – он и не знал, что такое любовь. Он требовал от них знаний. Со временем самки успокоились и привыкли к нему, и стали обучать его драконьей речи. Долгое время он просто их слушал. Потом стал пытаться произносить какие-то слова. Потом осмысливать их значение. Потом строить предложения.

Богардион был умен, и за год он хорошо освоил драконий язык. К тому времени некоторые самки даже привязались к нему, и многие самки из его клана уже ждали потомство. Но он не испытывал ни чувства долга перед ними, ни желания заботиться о своих отпрысках. Получив все знания, которыми обладали члены его клана, он покинул их. Богардион хотел увидеть все красоты окружающего мира, изучить его весь, повстречать и других драконов, чтобы почерпнуть знаний и у них тоже.

Богардион путешествовал много лет. За годы своих странствий он облетел весь суперконтинент, любуясь и наслаждаясь красотами и плодами удивительного открывавшегося ему мира. Все драконьи кланы, которые попадались ему на пути, встречали его враждебностью и агрессией, и все самцы, дерзнувшие бросить ему вызов, были повержены и пожраны, а кланы подчинены его воле. Если же он встречал на своем пути одиноких странствующих молодых драконов, не желавших ввязываться с ним в драку, он предлагал им продолжить путь вместе, делал их главами захваченных им кланов и оставлял руководить ими в качестве своих вассалов, а сам продолжал путь дальше.

С каждым подчиненным кланом и с каждым съеденным драконом Богардион становился все больше и мощнее, и вскоре тень его стала заслонять собой весь небосвод, и солнце меркло, стоило ему лишь расправить крылья. Вскоре никто уже не осмеливался бросить ему вызов, и при его появлении предводители кланов сразу склоняли перед ним головы. Таких он щадил и оставлял их руководить драконами от его имени, а сам продолжал свой путь дальше. Таким образом Богардион объединил под своим крылом все драконьи кланы на суперконтиненте, а

сам стал их единоличным правителем. Но он не устанавливал для них никаких новых порядков и законов, предоставляя им возможность жить по-прежнему, не ломая сложившиеся за тысячелетия устои и обычаи драконьего общества, которым сам он не следовал.

Много лет спустя Богардион вернулся на тот самый пляж, откуда он начал свой путь, как этот, так и жизненный. Но клана, который он предательски покинул много лет назад, там уже не было, и пляж он застал в запустении. Что стало с самками, покинутыми им, как и с его детенышами, его не интересовало. Детенышей он наплодил предостаточно в разных кланах за время своего странствия. Самки же этого клана, скорее всего, оставшись покинутыми на произвол судьбы, либо сами разлетелись по миру кто куда, либо были уведены в новое место каким-либо заставшим их брошенными странствующим самцом.

Окинув безразличным взором унылый серый пляж, Богардион погрузился в воду и поплыл. Он направлялся к тому самому острову, на котором он вырос, который так долго служил ему домом и на который он пообещал себе вернуться, покидая его. И путь до него он хотел проделать вплавь, как это было впервые, когда он достиг его. Он устал от долгих странствий и от своего одиночества. Ведь куда бы он ни прилетел, для всех драконов он был опасным чужаком, пренебрегавшим их законами. Несмотря на то, что драконы охотно делились с ним всеми своими знаниями, они делали это только лишь из страха перед ним, а не потому, что принимали его в свое общество. Для них он был верховный правитель, тиран, перечить которому ни в коем случае нельзя.

Мир вокруг него менялся, он это чувствовал. Гряли долгие и суровые холода.

Прибыв на остров, Богардион наелся до отвала и ушел в горы. Там он нашел глубокую и просторную пещеру, в которой он свернулся клубком и, спрятав голову под крыло, заснул.

Когда он проснулся, мир вокруг него действительно изменился. На смену тропическому лесу на его острове пришли хвойные и лиственные деревья, вода в море стала прохладнее, да и солнце уже так не припекало шкуру. Животный мир тоже изменился: многие виды исчезли, но появились другие, среди которых особо выделялись двуногие обезьяноподобные существа, селившиеся группами в пещерах. Но они особо не интересовали Богардиона, ведь были слишком мелкими для такого исполина, каким он стал, и в пищу не годились.

Отъевшись после спячки, первой столь долгой в его жизни, Богардион отправился инспектировать свои владения, подчинять себе молодых непокорных драконов, считавших его всего лишь героем из древних сказаний, и изучать изменившийся мир.

Тем временем обезьяноподобные существа росли, развивались, стали собираться все большими группами, научились добывать огонь и мастерить орудия труда, придумали свой примитивный язык. Вскоре они стали строить себе жилища, сначала из дерева, а потом и из камня, облачились в шкуры других животных, а некоторые виды даже подчинили своей воле. На все это Богардион взирал с ленивым любопытством, а когда пролетал над местами их обитания, чтобы лучше разглядеть, что нового они выдумали, они в панике и ужасе разбежались прочь и прятались в своих хлипких жилищах.

Однажды они начали докучать Богардиону, тревожа его сон и закидывая его своими наточенными палками и пытаясь зарубить твердыми блестящими на солнце штуковинами, похожими на когти, но отделявшимися от тела. Он знал, что драконов помельче стала зачастую достигать погибель от лап этих существ, но ему их никчемные попытки были нипочем, и он только веселился, уничтожая всех этих отважных глупцов, дерзнувших потревожить его.

В один год, когда Богардион находился на материковой части суши недалеко от того места, где был рожден, покорять его пришла целая армада этих существ, вооруженных своими палками и когтями, верхом на конях, облаченные в блестящие на солнце пластины. Их пришла не одна тысяча.

Богардион уничтожил их всех. После чего, разъяренный их наглостью, направился в их поселение с каменными норами и выжег там все дотла вместе со всеми обитателями.

С тех пор попытки покорить Богардиона прекратились, и эти существа во главе со своими правителями склонились перед ним. Для них он стал божеством в обличье дракона, могущественным и беспощадным. Божество не обязательно любить, но обязательно поклоняться перед ним и приносить ему дары. И они преклонялись перед ним, трепетали и приносили дары. Богардион тем временем снова обосновался у озера, что у подножия скал на излюбленном его острове, и они ежегодно прибывали к нему на остров на своих галерах и привозили дары.

Богардион заметил, что золотые вещицы в их общественном устройстве имеют особую власть над ними, и он стал требовать себе в подношениях эти вещицы тоже. Для него золото представляло только лишь эстетическую ценность, но он видел, что над другими драконами, особенно молодыми, оно имеет почти такую же власть, как и над этими двуногими существами в их обществе. Они готовы были буквально глотки перегрызть друг другу за обладание этими безделушками.

Власть Богардион любил, но порядка среди своих вассальных кланов требовал тоже. Поэтому он обязал все свои вассальные кланы раз в пять лет доставлять ему в качестве подношений одну пятую часть добытого ими за этот срок золота. Непокорных он карал, особо ретивых наоборот щедро поощрял. Это же касалось и правителей существ, именовавших себя людским родом: непокорных он предавал огню и сжирал, а выслуживавшихся перед ним одаривал из бесконечно пополнявшихся своих запасов. Его считали алчным, но алчности по отношению к золоту в нем не было.

Со временем такая жизнь наскучила дракону. Он пресытился богатством и властью, ничего нового в этом мире для него не осталось. И он решил уснуть вновь, пока очередные глобальные изменения снова не преобразят этот мир, и Богардиону не потребуются открывать его для себя заново. Но прежде, чем снова уйти на покой на многие столетия, Богардион взлетел на вершину самой высокой горы на острове и, озарив языками пламени ночной небосклон и превратив ночь в день, громогласным ревом еще раз напомнил всему живому в этом мире, кто здесь есть истинный хозяин и властелин.

Так дракон снова расправил крылья по-настоящему.

Эпилог

Богардион – исполин среди драконов. Он – словно гора. От его мерного дыхания по земле прокатывается дрожь, под поступью содрогаются горы, а крыльями своими он застилает все небо. В ярости Богардион ужасен, но и в милости щедр. Он – царь и король, единоличный властелин и правитель всего живого и неживого, простирающегося на тысячи и сотни тысяч миль вокруг. Он – закон и правосудие.

Но он не всегда был таким.

Если б не воля случая при его рождении, которая оставила его, можно сказать, сиротой и занесла на остров в глубине моря вдали от его сородичей, он бы вырос таким же, как и все прочие драконы, наделенный их предрассудками, подверженный их страхам, подчиненный их правилам, обычаям и законам. И именно то, что он оказался свободен от всех этих надуманных ограничений, думал только своей головой, искал, познавал, учился и жил так, как подсказывали ему его древние инстинкты, желания и обретенный опыт, позволило стать ему тем, кем он стал, достичь высот и могущества, не бывалых ни у одного дракона, жившего доселе и когда-либо будущего жить впредь.

Дракон пробудился

Викарион и Сильмарион происходили из племени песчаных драконов. Племя это обитало в глубине суперконтинента, в основном, в степях и пустынях. Давным-давно некоторые представители драконьего рода за несоблюдение драконьих норм морали, порядков или традиций были изгнаны из драконьих кланов. Поскольку о пересечении водного пространства и речи быть не могло – драконы считали это равносильным смерти, изгнанники были вынуждены направляться вглубь суперконтинента, подальше от излюбленных мест гнездования драконов, и скитаться по столь недружелюбному и пустынному миру под палящим зноем в поисках пропитания. Из-за скудного рациона в этих краях изгнанные драконы не могли вырасти до столь крупных размеров, как самцы-предводители кланов, гнездившихся на побережье, и поэтому вернуться в те края, обильные пищей и водой, для изгнанников не представлялось возможным – любая встреча с прибрежными драконами грозила обернуться для них проигранной схваткой и, как следствие, расставанием с жизнью. Со временем изгнанники стали сбиваться в стаи, сколачивая собственные кланы со своим общественным устройством и иерархией.

Здесь они, осознав всю пользу и выгоду взаимовыручки и командного взаимодействия, не изгоняли молодняк из своих кланов по достижении ими необходимого возраста, а разрешали остаться в стае при условии неукоснительного подчинения главе клана. Всю добытую драконами пищу глава клана забирал себе и распределял между всеми членами группы по своему усмотрению. Именно поэтому молодые драконы не могли вырасти больше и сильнее него и, соответственно, свергнуть его с его «трона». Те же драконы, которые не хотели мириться с такими порядками, как правило, под покровом ночи покидали гнездовье и вели отшельнический образ жизни до тех пор, пока не набирались сил и мужества, чтобы вернуться и бросить вызов предводителю клана. Но такие попытки случались гораздо реже, чем в кланах прибрежных драконов, и поэтому песчаные драконы жили гораздо дольше своих собратьев у моря. Самый старый дракон, проживший более пятисот лет, происходил как раз из клана песчаных драконов, однако, достигнув за свои прожитые годы весьма внушительных размеров, потом все-таки решился отправиться на побережье, где и был вскоре повержен более молодым, но в то же время и более искушенным в боях соперником.

Из-за постоянного нахождения под палящим солнцем шкура всех песчаных драконов имела ярко-оранжевый и даже красный цвет, иногда отливая золотом или медью. Гнездились они прямо под открытым небом, не отдавая предпочтения местам с наличием воды, тени или скальных пород, и любое гнездовье можно было заметить издали. Ввиду своего статуса изгнанников, изгоев, песчаные драконы были гораздо злее своих прибрежных сородичей, однако, ввиду своих небольших размеров и социального устройства их общества, которое вынуждало их больше и теснее взаимодействовать друг с другом, злобу свою они держали внутри себя, аккумулировали ее, и за счет этого пламя, ими выдыхаемое, достигало немыслимых температур, а напором его струи можно было буквально резать камни. Конечно, такого умения достигали далеко не все песчаные драконы, и, обретя его, хранили в секрете, используя лишь в редких случаях как конкурентное преимущество в схватках. Но и оно далеко не всегда позволяло некоторым самцам вернуться на побережье и, свергнув кого-либо из предводителей прибрежных кланов, занять его место.

Отцом Викариона и Сильмариона был Токхарт, один из старейших драконов, живших в то время – ему насчитывалось уже 216 лет, и $\frac{3}{4}$ своего возраста он правил кланом, в котором они были рождены. Клан его тоже был одним из самых крупных и насчитывал около 100 особей. Токхарт был мудрым, но в то же время хитрым правителем, очень любившим власть и боявшимся ее потерять. Своих драконов он кормил неплохо, но никому из них не давал пищи

столько, чтобы хоть кто-то мог приблизиться по размерам к нему. Он тщательно за этим следил. И он был буквально одержим идеей когда-нибудь захватить и возглавить клан на побережье, но ему никак не доставало решимости отправиться туда и рискнуть своим положением и жизнью ради исполнения своей мечты, говорить о которой он не переставал.

Матерью Викариона и Сильмариона была Айсшая, родная дочь Токхарта. Несмотря на многие табу и ограничения, царившие в драконьем обществе, кровосмешение вписывалось в рамки их понятий о морали – как у песчаных драконов, так и у прибрежных. Но у прибрежных драконов это практически не встречалось, поскольку все драконы-подростки обоего пола из клана изгонялись по достижении ими пятилетнего возраста, в отличие от песчаных драконов, у которых молодняк оставался в клане столько, сколько пожелает. Видимо, поэтому песчаные драконы со временем стали вырождаться как подвид – недостаток разнообразия генетического материала внутри закрытого сообщества ведет к накоплению мутаций, возникновению различного рода уродств и рождению неконкурентно способных особей даже у таких идеальных с точки зрения эволюции существ, как драконы. Не удалось этого избежать и Викариону и Сильмариону – они были близнецами, вылупившимися из одного яйца.

При рождении каждый из них был вдвое меньше обычного детеныша песчаного дракона, и, как у любых сиамских близнецов, у них была одна общая часть тела. Они срослись передними лапами – Викарион прирос правой передней лапой сбоку к левой передней лапе Сильмариона. Но это уродство не было фатальным, и Айсшая быстро решила проблему, разорвав их зубами в месте срастания. Конечно, это было ужасно больно для молодых драконов, но не смертельно: просто у каждого из них осталось по три пальца на одной из передних лап вместо четырех, и грубые рубцы на всю жизнь, напоминавшие им об их происхождении. А еще им досталось прозвище от других молодых драконов «Беспалые близнецы», которое, в общем-то, не сильно им досаждало или задевало их.

Случай рождения двух детенышей из одного яйца – один на миллион, а тот факт, что они оба выжили и еще обошлись без серьезных мутаций и повреждений – просто чудо! И Айсшая не уставала повторять своим маленьким детенышам, какие они у нее особенные и замечательные, особенно учитывая то, что остальные отложенные ей яйца не вылупились.

Ввиду того, что оба они были изначально вдвое меньше остальных детенышей в гнездовье, близнецам приходилось с самого рождения прикладывать немало усилий, чтобы не быть сожранными вечно голодным молодняком, когда их матери не было рядом. С первого дня своей жизни они учились взаимодействовать друг с другом, инстинктивно чувствуя, что залог их выживания во взаимовыручке. А поскольку они все-таки были близнецами, между ними с рождения установилась особая ментальная связь – они буквально читали мысли друг друга, чувствовали желания и эмоции своей второй половины, предугадывали движения. Эта отличительная черта с первых дней жизни помогала им удачно маневрировать и прятаться при неоднократных и всегда неожиданных попытках других драконят оторвать от кого-нибудь из них кусочек-другой. И близнецы очень быстро научились подстраховывать друг друга. Они стали глазами, ушами и ноздрями друг друга, и если один отдыхал, второй всегда бодрствовал и был начеку.

В их малых размерах были и преимущества: близнецы были ловчее, быстрее и шустрее своих ровесников-драконов, и могли незаметно подкрасться к какому-нибудь зазевавшемуся увальню и стащить у него из-под носа кусок его добычи. Со временем они так наловчились, что стали воровать добычу и у взрослых драконов, а риск быть пойманными и получить за это хорошую взбучку лишь придавал им дополнительный стимул и возбуждал в них азарт.

Таким образом, близнецы не были сильно обделены в пище, а, за счет своих выходов, порой получали даже больше, чем другие подрастающие драконы в их гнездовье, и вскоре стали догонять своих ровесников в размерах. Когда они очевидно поравнялись с другими молодыми драконами, чужую добычу стало подворовывать довольно проблематично, а этот их про-

гресс в размерах заметил даже Токхарт. Айсшая не могла нарадоваться темпам роста своих детенышей, а Токхарт же насторожился и стал за ними наблюдать: конкуренты, даже в далеком, но обозримом будущем, были ему ни к чему.

Близнецы же в свою очередь, привыкшие внимательно следить за поведением взрослых драконов и подмечать любые перемены в нем (от этого в немалой степени зависел успех их воровских проделок), практически сразу подметили настороженное отношение к ним грозного предводителя клана: они заметили, что он стал чаще появляться рядом с ними, и периодически наблюдал за ними, кружа в небе над гнездовьем. Айсшая, увлеченная их обучением и добычей им пропитания – она учила их выдыхать огонь – по их мнению, никаких перемен в поведении Токхарта по отношению к ним не заметила. И даже когда вскоре Токхарт стал выделять близнецам меньшие, чем раньше, части добычи при дележке, Айсшая, кажется, не обратила на это никакого внимания.

Будучи с рождения своенравными и независимыми, близнецы с таким положением дел мириться были не намерены. При следующем же разделе пищи Викарион устроил заварушку с одним из своих ровесников, на что отвлеклись и некоторые взрослые драконы. Будучи ловчее и проворнее своего соперника, Викарион долго выматывал его, постепенно расширяя площадь своих маневров и вовлекая в ситуацию (и отвлекая) все больше молодых и взрослых драконов. Сильмарион же тем временем делал то, что так хорошо у него получалось – воровал чужое мясо. Когда же дело было сделано, и Викарион буквально почувствовал, что его брат наелся до отвала, он уложил выдохшегося соперника на лопатки и чуть прикусил его зубами за шею, показывая, кто из них двоих вышел из схватки победителем.

В следующий раз близнецы снова проделали этот же трюк, только теперь Сильмарион отвлекал всеобщее внимание, а Викарион набивал себе живот.

В третий раз их раскусили, и взрослые драконы устроили им хорошую взбучку, после которой они оба несколько дней отлеживались у себя в гнезде.

После этой истории Айсшая наконец-то заметила, что Токхарт стал обделять ее близнецов пищей, чтобы они не росли так быстро, и как настоящая мать, когда Токхарт не видел этого, стала отдавать свои порции им, лишь бы только они продолжали расти в одном темпе со своими ровесниками. Быстро осознав, что так постоянно продолжаться не может, ибо мать просто умрет от голода, близнецы стали уговаривать ее побыстрее научить их летать и охотиться. Лишь подивившись их сознательности, Айсшая без колебаний согласилась – огонь выдыхать они уже научились хорошо, быстрее многих своих ровесников, а значит, можно было приступать уже и к их обучению полету и охоте.

Близнецы быстро всему учились, их живые и пытливые умы впитывали новые знания и навыки, как губка, и они стремились познать еще больше. Навыки полета давались им легко, и скоро они превзошли всех своих сверстников в этом умении и раньше остальных стали летать с матерью на охоту. Токхарт не препятствовал их обучению полетам и лишь внимательно наблюдал за ними, но когда он увидел, что Айсшая стала уводить молодых драконов на охоту, он явился к ним перед одним из их вылетов и велел ей строго-настрого следить за тем, чтобы всю пойманную добычу они приносили в клан ему на распределение, а молодые драконы не смели ничего забирать себе, нарушая тем самым заведенные порядки. Айсшая лишь удивилась столь пристальному к ним вниманию с его стороны, а близнецы впервые поняли, что, несмотря на то, что Токхарт был чуть ли не в пять раз больше и тяжелее их, он уже в их успехах увидел будущую угрозу своему положению. Близнецы уже были умнее и сообразительнее многих молодых драконов, и с того момента стали вести себя очень осторожно и осмотрительно, понимая, что, чувствуя в них угрозу для себя, Токхарт может представлять угрозу и для них. И хотя мать пока еще мало им рассказывала о драконьих порядках и обычаях, кое-что близнецы уже все же узнали и услышали, и прекрасно понимали, какой ценой достается то положение в иерархии драконов, которое так боится потерять Токхарт.

Успехи, которые близнецы делали в охоте, превзошли все ожидания Айсшай, которая сама была отличной охотницей и быстро смогла передать все свои умения своим детям. И, конечно, оттачивая свои навыки, близнецы стали отдаляться от матери и все чаще охотиться самостоятельно, и по молчаливому согласию друг с другом делились лишь небольшой частью добытого мяса с кланом – чтобы не вызывать подозрения Токхарта, они не могли не приносить ему с охоты ничего совсем, но бунтарский дух говорил в них о том, что несправедливо отдавать все плоды своих трудов предводителю, а здравый смысл им твердил, что Токхарт, продолжая свою политику сдерживания молодых драконов, выделит им лишь малую толику из того, что они добыли. И поначалу все шло хорошо, Токхарт и впрямь ни о чем не догадывался, видя, что другие молодые драконы приносят со своих охот примерно столько же, сколько и близнецы, а Айсшая хоть и знала обо всем, из своей любви к ним закрывала на это глаза. Но со временем их обман стал всплывать наружу – близнецы росли явно быстрее прочих своих сверстников, съедая примерно то же количество пищи, которое выделял всем молодым драконам Токхарт, и уже стали крупнее почти их всех.

Когда это случилось, Айсшае едва исполнилось 23 года, а близнецам было около 3,5 лет. К тому времени они уже значительно переросли своих сверстников, и Токхарт не раз спрашивал их и Айсшаю о том, не скрывают ли они от него часть добытой ими пищи, на что все трое отвечали отрицательно, а Айсшая ссылаясь на то, что просто близнецы пошли статью в их отца, стараясь польстить предводителю клана. Токхарт делал вид, что доволен такими объяснениями и верит им, и отпускал на очередную охоту, однако через неделю или через месяц снова возвращался к ним с этим вопросом. Теперь Айсшая отлучалась с детьми из гнездовья надолго, и летали они все дальше, и теперь она учила их не столько премудростям и приемам охоты, которые близнецы уже и так освоили прекрасно, сколько истории драконов прибрежных кланов и песчаных, их традициям, обычаям и заведенным порядкам. В первую очередь она рассказала им историю восхождения Токхарта.

В отличие от большинства ныне живущих песчаных драконов, Токхарт не был песчаным драконом от рождения – он происходил из клана прибрежных драконов и был изгнанником. Как это было заведено у прибрежных драконов, он был изгнан из гнездовья в возрасте 5-ти лет и долгое время скитался по свободным от других драконов землям суперконтинента, пока не достиг, как ему казалось, внушительных размеров и не решился попробовать вернуться к побережью и захватить какой-нибудь клан. Так он и сделал, но потерпел неудачу. Ему в соперники попался весьма сильный и уже искушенный в поединках дракон, и Токхарт лишь каким-то чудом остался жив и унес ноги с поля боя. Как правило, драконы-самцы в таких схватках погибают, и никто не знает, как Токхарту удалось избежать подобной участи. Тем не менее, этот случай оставил глубокий след в его душе и на долгие годы поселил в нем страх перед сражениями и неуверенность в своих силах.

Еще на протяжении почти десятка лет он продолжал скитаться по просторам суперконтинента, удаляясь все дальше в его глубь, пока однажды не наткнулся на гнездовье песчаных драконов. Токхарт не искал драки с предводителем того клана и даже не думал о том, чтобы бросить ему вызов, однако тот дракон сам перешел черту и напал на Токхарта, в попытках отогнать его. Песчаные драконы хоть и мельче своих прибрежных сородичей, они гораздо агрессивнее их. Токхарту пришлось принять бой, и в этот раз, хоть и получив множество ранений, он, за счет преимущества в своих размерах, вышел из этой схватки победителем и занял место поверженного альфа-самца во главе клана. Это, казалось, вернуло ему былую уверенность в себе, и мысли о возможности вернуться на побережье завладели им снова. Однако что-то все-таки постоянно останавливало его тогда и останавливает до сих пор, и эти его намерения вот уже более 160-ти лет так и остаются одними только намерениями.

За все эти годы Токхарт приобрел менталитет песчаных драконов, и поэтому со временем он принялся увеличивать численность своего клана и расширять ареал его обитания, а

опыт неудачного поединка привел его к практикуемой им и поныне политике сдерживания молодых драконов с тем, чтобы ни один из них даже близко не смог приблизиться к его размерам и бросить ему вызов. Их клану было известно уже три случая, когда особо крупные и быстро растущие молодые драконы просто пропадали на охоте, улетев на нее и не вернувшись обратно. Они могли быть, конечно, повержены и набирающими силу людскими общинами, но эти общины оставляют тела павших драконов лежать на земле, а следов пропавших молодых драконов нигде найти так и не удалось. В клане ходили слухи о том, что это дело зубов и когтей Токхарта, потому что каждый раз, когда пропадали молодые драконы, Токхарт также отлучался на охоту, но правитель клана все эти сплетни быстро пресекал, а тех, кто, как ему казалось, их распускал, он из клана изгонял. Именно поэтому Айсшая уже в который раз просила своих сыновей подчиниться воле Токхарта, прекратить свои бунтарские выходки и отдавать всю их добычу ему, или хотя бы сбежать из клана под покровом ночи, пока не стало слишком поздно. Но близнецы оставались глухи к ее увещаниям, хотя и начали стараться не упускать Токхарта из виду, когда это было возможно, но вот стало слишком поздно.

Таким образом, Токхарт сохранял свои главенствующие в клане позиции уже столько лет, оставаясь самым крупным и самым старым из ныне живущих песчаных драконов, приобретая их окрас и их свирепость, но так и не научившись выдыхать струи раскаленного огня, как это умели делать некоторые уроденные песчаные драконы. Видимо, от части, поэтому он никак и не решался вернуться на побережье – здесь он король и единоличный правитель, но как знать, какие крупные драконы выросли за это время там?..

В тот день Айсшая с близнецами охотились вместе. Они выследили и атаковали следовавший через пустыню караван и забили нескольких погонщиков с их верблюдами, и теперь, отнеся добытые туши к оазису, расположились у воды в тени его пальм и лакомились добычей. Айсшая вместе с тем рассказывала детям о великом и могучем драконе Богардионе, поправшем все законы драконьего мира и покорившем и объединившем под своим владычеством все драконьи кланы. Эта история очень захватила близнецов, они буквально впитывали каждое слово матери, и, увлеченные рассказом и поглощением добычи, ослабили бдительность.

– И с тех пор, несмотря на то, что он спит уже более полутора тысяч лет, все предводители драконьих кланов, да и существа низшего порядка – те, что строят каменные норы, ездят на спинах других существ и облачаются в блестящие шкуры – носят с установленной им периодичностью дары из камней и золотого металла. И Токхарт также готовит свои подношения ему и каждые пять лет отправляет самого выносливого дракона к Богардиону. Поскольку Богардион спит на острове посреди океана, дракон должен быть способен преодолеть все расстояние над водой без передышки, иначе он погибнет – я уже вам рассказывала, какую опасность таит в себе глубокая вода! – рассказывала близнецам Айсшая, когда внезапно чья-то огромная тень заслонила над ними солнце. В следующий миг раздался громкий свист, все деревья и кусты, росшие в оазисе вокруг воды, пригнуло к земле, а Айсшаю и близнецов откуда-то сверху обдало обжигающим жаром, как из преисподнии.

Айсшая тут же бросилась к детям и закрыла их собой – пламя не может причинить вреда грубой и толстой шкуре взрослого дракона, однако молодому дракону, чья шкура еще относительно тонкая и не загрубевшая, пламя может навредить очень сильно. Секунду спустя в вихрях бушевавшего теперь в оазисе пламени появился Токхарт. Как сокол он обрушился с неба на Айсшаю, вцепившись своими стальными когтями ей в спину и отбросив на землю в сторону от корчившихся и извивавшихся от боли укрытых ею близнецов, обожженных извергнутым на них потоком огня. Айсшая не успела даже перевернуться на бок и попытаться подняться, как Токхарт подскочил к ней и, зажав в своей мощной лапе ее горло, прижал к земле.

– Так-то, значит, вы платите мне за мою заботу и доверие?! – громогласно взревел он. Айсшая попыталась что-то ему возразить, но он лишь сильнее сдавил ее горло в своих стальных тисках, и вместо слов у нее из горла вырвалось лишь жалкое сипение.

– Я давно за вами наблюдаю! – яростно обратился он к близнецам, в ужасе затихшим невдалеке от него и не имевших возможности ретироваться дальше, поскольку были окружены кольцами огня полыхавшего оазиса. – Вы – ничемные выродки! Жалкие воришки! Надо было придушить вас при еще при рождении! Уже тогда, увидев ваши сросшиеся лапы и ничтожные размерчики, я понял, что ничего путного из таких отпрысков не выйдет, и, как видно, оказался прав! Племя и так закрывало глаза на ваши постоянные мелкие проказы и подворовывания, пока вы были детьми, но это время кончилось – настала пора отвечать за свои деяния!

Токхарт навис всей своей мощью над близнецами, выглядевшими как никогда ничтожно и жалко в этот момент – они ничего не могли противопоставить гигантскому по сравнению с ними дракону, и не могли даже отступить, сдерживаемые жаром пожара, бушевавшего за их спинами, на которых уже вздулись и даже в некоторых местах полопались огромные волдыри от полученных ожогов. «*Это конец!*» – одновременно пронеслось у них обоих в их головах. Под лапами Токхарта затрепыхалась Айсшая в тщетных попытках вырваться и не дать ему совершить над ее детьми правосудие.

– Боишься за них?! – повернул голову к ней Токхарт. – Ты покрывала их все это время, ты виновна не меньше их, а, может, даже и больше!..

С этими словами он стиснул горло Айсшаи с такой силой, что ее тело через несколько мгновений обмякло, и она прекратила всяческие попытки к сопротивлению, а Токхарт обратил свой яростный взор снова на близнецов.

– И вы боитесь! – расхохотался он. – Вы что же думали, что будете так постоянно воровать у меня, ни во что не ставя заведенные и соблюдаемые прочими драконами порядки, и вам все сойдет с лап? Думаете, вы первые, кто возомнил себя умнее Токхарта?!!

Он снова расхохотался, а потом поднял в воздух еле дышащую Айсшаю и швырнул ее обмякшее тело к объатым ужасом близнецам.

– Так что же мне с вами сделать? – разглагольствовал издевательским тоном Токхарт, а пламя все ближе подбиралось к спинам близнецов, заставляя их тесниться в сторону полыхавшего яркой медью свирепого дракона, грозившегося их убить. Вопрос, заданный им, повис в воздухе, и Токхарт устремил взгляд на провинившуюся троицу, медленно переводя его с одного подсудимого на другого. Айсшая начала подавать признаки жизни, грудь ее стала мерно вздыматься от тяжелых и глубоких вдохов, а затуманившийся было взгляд стал проясняться.

– Прекрасно! – неожиданно воскликнул Токхарт. – Ты пришла в себя, драгоценная сестрица, мать этих недостойных меня выродков! Так вот слушай меня внимательно – слушайте меня все трое! Я не стану вас убивать, близнецы – я чту драконьи обычаи, которые претят расправляться со столь юными драконами! И тебе, Айсшая, я сохраню пока что жизнь как залог их будущего мне повиновения! Через полгода мне нужно преподнести дары Богардиону, и я пока не выбрал того, кто мог бы отправиться в путь вместо меня, но... теперь я решил, что это будете вы двое! Вы доставите мои подношения великому Богардиону на остров, и мне наплевать, вдвоем вы доберетесь обратно или кто-нибудь один из вас издохнет в пути, но!.. Если вы не вернетесь оба и не сообщите мне, что дары великому Богардиону доставлены, я убью Айсшаю!!! Вам все ясно?

Айсшая с детьми покорно склонили головы перед Токхартом.

– Вот и отлично! – снисходительно молвил он. – Теперь забирайте уцелевшую вашу добычу, и летим в племя! Мои драконы уже заждались меня!..

Понуро неся в лапах обугленные туши, троица провинившихся уныло направлялась в сторону гнездовья. Айсшая летела позади близнецов, каждый взмах крыльев которым давался с трудом и отдавался нестерпимой болью в обожженные спины и шею, кожа на которых во многих местах обуглилась и полопалась и при каждом движении из ран сочилась сукровица и кровь. Сверху над ними, как образ неминуемого сурового наказания, летел Токхарт, своей

громадной тенью заслонявший от них солнце. Весь путь до гнездовья они проделали в тягостном молчании.

Прибыв в гнездовье, Токхарт показательно отобрал у них всю добычу и направился с ней в свое излюбленное местно отдыха – к огромному валуну, а мать с близнецами отправились на самый край гнездовья, подальше от насмешек и осуждающих и презрительных взглядов остальных драконов, сразу догадавшихся о том, за что их покарал Токхарт. Там, вырыв, словно собаки, подобие нор в земле, драконы устроились в них и принялись зализывать друг другу полученные раны.

Процесс восстановления для близнецов был долгим и мучительным – полученные ими ожоги оказались куда более серьезными, чем могло показаться на первый взгляд, а вдобавок ко всему раны загноились. Но иммунная система драконов – очень мощное оружие в борьбе с любыми вирусами и инфекциями, и жизням близнецов ничто не угрожало. Но дух их был сломлен – они наконец-то на собственной шкуре прочувствовали всю мощь предводителя их клана и исходившую от него угрозу. Сильно подавляла их и перспектива будущего путешествия и возложенная на них дополнительная ответственность за жизнь их матери – к такому грузу они готовы не были. Дополнительно угнетало их и то, что теперь, вдобавок к понесенному ими наказанию, Токхарт, распределяя пищу среди драконов племени, не давал ни им, на Айсшае равным счетом ничего, и на охоту Айсшаю он не отпускал, а близнецы снова охотиться еще были не в состоянии ввиду полученных ими ран, и они голодали с момента происшествия в оазисе. Несмотря на то, что драконы могут обходиться без пищи и воды на протяжении очень долгого времени без видимых последствий для себя в физическом отношении, данный фактор оказывал негативное влияние на психоэмоциональное состояние близнецов и Айсшаи. Другие драконы перестали с ними общаться, и Айсшая с детьми буквально стали изгоями в племени. Первое время после происшествия в оазисе они даже между собой практически не общались.

По истечении четырех месяцев к близнецам явился Токхарт.

– Мне нужно, чтобы вы непременно доставили мои подношения Богардиону! – заявил он. – Поэтому с этих пор вы будете есть досыта и копить силы для вашего путешествия! Свое наказание вы уже понесли, и теперь ваша дальнейшая судьба, а заодно и судьба Айсшаи будет зависеть только от вас самих! В назначенный день я призову вас, а пока можете охотиться вдоволь! Только охотиться вы будете порознь с Айсшаей! И не забывайте, что всю добычу вы обязаны приносить мне – надеюсь, это вы усвоили раз и навсегда! А о том, чтобы вы не были обделены куском мяса, я позабочусь!

С этого момента близнецы воспряли духом. Раны на их спинах и шеях больше не болели и затянулись грубыми рубцами, на всю жизнь оставив им обоим воспоминания об уроке Токхарта, а полет и охота вновь поднимали им настроение. Токхарт держал свое слово и львиную долю принесенной ими добычи возвращал им обратно, так что они и впрямь не знали голода, а силы их крепили с каждым днем. И хотя предстоящая разлука с матерью тяготила их, грядущее путешествие в большой мир теперь представлялось им больше как волнующее приключение, нежели как опасное и тягостное время.

Однако Айсшая видела ситуацию совсем иначе, разлука с детьми страшила ее невероятно, и она принялась всячески уговаривать их не пускаться в это опасное и авантюрное мероприятие, а предлагала всем им троим под покровом ночи покинуть клан и сбежать от Токхарта. Она была уверена, что они смогут далеко уйти незамеченными, и Токхарт не станет тратить время и силы на их поиски – раньше он никогда не пускался возвращать беглецов. В памяти близнецов еще были очень свежие воспоминания о преподнесенном им Токхартом уроке, а последствия их послушания Айсшаи, которая не раз уговаривала их приносить всю добычу Токхарту до того момента, как вскрылся их обман, были, что называется, на лицо, и теперь они крепко задумались над словами матери. И чем больше она их увещевала, тем больше они склонялись к целесообразности предлагаемого ей варианта.

– Думали, вы умнее Токхарта, в десятки раз более мудрого и опытного, чем вы? Как бы не так! У меня десятки глаз и ушей, и я ведаю обо всем, что происходит в моем гнездовье! На каждого непокорного дракона находится дюжина готовых выслужиться за лишний кусок мяса! Не все такие способные, как вы, Викарион и Сильмарион, но любого недоумка можно обучить, а любого строптивца – подчинить! Всегда то, что я вам приказываю, вы должны исполнять беспрекословно, и вы выполните мое поручение, хотите вы того или нет! И покинете клан только тогда, когда мне это будет угодно!.. – с этими словами Токхарт налетел на Айсшаю, резким рывком передних лап расправил в стороны ее крылья, а несколькими мощными ударами задних лап разорвал их в клочья. Из горла Айсшаи вырвался истошный вопль боли, и близнецы рванулись на помощь матери.

– Стойте, глупцы! – превозмогая боль, выкрикнула она. Токхарт бросил ее перед ними, и близнецы замерли на месте.

– Это – кара за непослушание, а еще залог того, что хотя бы один из вас вернется ко мне от Богардиона! – усмехнулся Токхарт оцепеневшим близнецам. – Я же говорил вам, что отныне ваша судьба и судьба вашей матери в ваших когтях, а вы меня, видать, не поняли! Что ж, вот вам разъяснение! Если ее крылья когда-нибудь срастутся, то она снова сможет летать и нормально охотиться, ну а если нет, то вот вам дополнительный стимул, чтобы поскорее вернуться ко мне от Богардиона! Я даю вам на путешествие туда и обратно ровно полгода. И все эти полгода я буду давать Айсшае пищу, после чего, независимо от того, вернетесь вы или нет, она станет пытаться обеспечивать себя пищей сама. Но, как я уже говорил ранее, если хотя бы один из вас не вернется ко мне, я подожду еще полгода и убью ее!

Замолкнув, Токхарт смерил близнецов презрительным взглядом, и, не дожидаясь от них ответа, подхватил беспомощную Айсшаю в лапы и взмыл вверх, бросив близнецам через плечо:

– Если подняться достаточно высоко, над бурей можно пролететь, недотепы!..

Неделю спустя ранним утром над близнецами, отдохавшими на краю гнездовья, изрядно растерзанного прошедшей бурей, нависла тень Токхарта. Айсшаю он теперь держал всегда подле себя, а когда отлучался, поручал следить за ней нескольким самым крупным драконам в их клане. Хотя, наверное, это даже были избыточные меры, поскольку, лишившись возможности летать, Айсшая выказывала абсолютную покорность и смирение, а испытывая вдобавок к этому дикие боли от полученных ран, она практически все время смиренно лежала неподалеку от Токхарта. Близнецам ее навещать он запрещал.

– Идем со мной! – приказал он им. – Время пришло!

Они взмыли высоко в небо, гораздо выше, чем обычно летали близнецы, когда охотились. Это позволяло Токхарту наблюдать окрестности на многие мили вокруг и сразу обнаружить присутствие незваного гостя, вдруг вздумавшего без приглашения последовать за ними. К тому же на такой высоте разглядеть с земли их было практически невозможно даже другому дракону, и, соответственно, направление, в котором они направились, оставалось неизвестным. Токхарт ревностно следил за тем, чтобы место хранения его богатств держалось в секрете.

Летели они весь день, и лишь когда солнце начало клониться к закату, они достигли полноводной реки, протекавшей сквозь скалистое ущелье. Влетев в него и немного попетляв между скальными утесами, Токхарт нашел выступ скалы над рекой, выдававшийся из горного массива и нависавший над пенящейся и бурлящей водой, словно высунутый язык великана. Приземлившись на него, он пристально взглянул на близнецов.

– Ждите здесь! – приказал им он. – Если я увижу, что вы следите за мной, я вас убью! А если вздумаете сбежать – убью Айсшаю! И учтите, если вы окажетесь настолько глупы и все же решитесь незамеченными проследовать за мной, вы все равно наврядли сможете вернуться обратно – карстовые пещеры, куда я направляюсь, тысячелетиями вымывались подземными

источниками и образовали в скальных породах запутанную сеть туннелей, тупиков, гротов и обрывов, и, заблудившись там, вы скорее умрете с голоду, чем найдете выход на свет!

С этими словами он с легкостью спорхнул с утеса и скрылся за поворотом реки, который она делала буквально в сотне метров от того места, где расположились драконы. Когда Токхарт скрылся, близнецы лишь многозначительно переглянулись между собой и улеглись на раскаленные за день на солнце камни в ожидании его возвращения.

Токхарт вернулся, когда оранжевое солнце давно уже уступило свое место на черном небосводе бледноликой полной луне, окруженной мириадами ярких звезд. Появился он бесшумно, чем застал задремавших было близнецов врасплох. В лапах он сжимал две огромные шкуры, по виду, явно драконьи, опаленные по краям и сколотые за углы драконьими же клыками или шипами. Шкуры были доверху наполнены какими-то предметами. Опустившись в центре утеса, Токхарт со звоном и бряцаньем опустил шкуры на землю. Близнецы с нескрываемым любопытством уставились на них. Вынув клыки или шипы, стягивавшие шкуры за углы, Токхарт распахнул шкуры.

Их содержимое буквально заворожило близнецов. Сверкая и переливаясь в холодном лунном свете, их взору предстали большие и малые слитки золота и золотые изделия всевозможных причудливых форм и размеров, некоторые с вкраплениями самоцветных камней в них. От всего этого исходило какое-то магическое сияние, неведомой силой притягивавшее и манившее к себе близнецов и пробуждавшее в них доселе неизвестное им желание обладать этими вещицами, несмотря даже на то, что они не знали их назначения и применения. Но ощущение, что обладая всеми этими великолепными безделушками, ты получишь власть над другими существами, быстро и незаметно закралось в души близнецов и стремительно принялось разрастаться в них.

Такое влияние оказывало золото на любого дракона, впервые столкнувшегося с ним, и чем моложе был дракон, тем сильнее золото манило его к себе. Старые мудрые драконы объясняли это самой алчной природой драконов, ведь в их обществе не существовало товарно-денежных отношений, и это объяснение, казалось, всех устраивало.

Токхарт сразу же заметил загоревшийся алчный огонек в глазах молодых драконов, как и то, что они непроизвольно подались вперед, ближе к шкурам, и громко рассмеялся. Близнецы тут же отпрянули назад.

– Только попробуйте стащить хоть одну вещицу по пути на остров! – с угрозой в голосе произнес он. – Я все узнаю, и тогда вам непоздоровится!

– А теперь слушайте меня внимательно! – вымолвил он, завернув обратно свои богатства в шкуры и скрепив их углы наверху клыками или шипами каких-то несчастных драконов, лишившихся их (а, может, вместе с ними и жизни?), и пристально посмотрел на близнецов. – Лететь отсюда до побережья вам предстоит приблизительно в течение одного лунного цикла – зависит от того, конечно, как быстро вы будете лететь. Чтобы не сбиться с пути, солнце должно всегда всходить от вас с этой стороны, – и при этих словах Токхарт взмахнул левым крылом. – А заходить за горизонт – с этой стороны, – и он расправил правое крыло. – Держитесь этих простых ориентиров, и доберетесь до нужного места в нужные сроки. Когда достигнете побережья, поворачивайте в сторону заката и следуйте вдоль побережья еще примерно в течение одной луны. Когда луна во второй раз станет полной, вы должны достигнуть зажатую меж двух скал широкую полосу песка, клином вдающуюся вглубь суши. Возможно, там будут следы недавнего гнездовья или даже небольшое гнездовье прибрежных драконов. Молодые кланы иногда выбирают это место для гнездовий, но надолго там никогда не задерживаются, поскольку через это место пролегают пути всех драконов, раз в пять лет приносящих дары великому Богардиону! В любом случае, его довольно легко узнать, и вы поймете, что достигли нужного места, когда окажетесь там! Оттуда ваш путь лежит исключительно над водным простором!

В течение всего пути самое лучшее – лететь как можно выше. Это сложнее и требует больших усилий, но так безопасней. Обзор так лучше, нет риска быть атакованным другим драконом сверху и мал риск в ясную солнечную погоду быть замеченным с земли! А то, что вы на своем пути повстречаете других драконов, сомневаться не приходится!

Драконы, которые будут нести, так же как и вы, дары для Богардиона, для вас не опасны – этот обычай драконы чтут и соблюдают уже многие столетия и страшатся больше всего на свете гнева Богардиона, если он в какой-то момент пробудится и узнает, что один дракон помешал другому исполнить свой долг перед ним! Они на вас не нападут, а, возможно, даже позволят к ним присоединиться и продолжать путь вместе. Иногда дружественные кланы практикуют совместные перелеты на остров к Богардиону с целью обеспечения общей безопасности. Поэтому, если вы встретите на своем пути группу драконов с подношениями в лапах, можете не опасаться их, а, при желании и наличии такой возможности, даже присоединиться к ним.

Однако это касается только драконов, состоящих в кланах. Помимо них на свете существует много молодых странствующих прибрежных драконов, не собравших еще или не завоевавших еще себе свой клан. Вот их вам стоит опасаться! Они запросто могут выследить вас, напасть на вас и убить, а все золото присвоить себе! Вы уже сами смогли ощутить на себе его притягательную силу, и поверьте мне, жажда обладать им сильна во всех молодых драконах больше, чем у кого-либо еще! Поэтому, если увидите одного дракона, даже если в лапах у него будет шкура с золотом, лучше вам избежать встречи с ним – вы никогда не узнаете наверняка, несет ли он подношения на остров или уже ограбил и убил несшего туда дары дракона. Конечно, если он будет лететь в попутном с вами направлении, можно предположить, что он тоже направляется на остров, однако, пока вы не обнаружите себя и не поговорите с ним, вы этого не узнаете точно, а встреча не с тем драконом может обернуться большой бедой для всех нас!!!

Остров, где спит Богардион, – первая суша, которая повстречается вам на пути над морем. Остров этот очень велик, и вам нужно будет проследовать к дальней от вас его оконечности, к подножью гор, у которых разлилось большое озеро. Там, у озера, под горой и спит наш великий правитель! От жара, томящегося у него в груди, земля выжжена на сотни метров вокруг него, и это будет самый огромный дракон, которого вы когда-либо увидите на своем веку! Будьте осторожны, оставьте подношения у возвышающейся подле него горы золота, и убирайтесь прочь оттуда! Не вздумайте что-либо взять из его богатств себе – даже самую незначительную безделушку! Несмотря на то, что он спит, он все чувствует и все знает! И горе будет всем нам, если он пробудится!..

Охотиться на его острове также запрещено, поэтому позаботьтесь о том, чтобы набить себе желудки до того, как отправитесь в перелет над морем!

В доказательство того, что вы действительно исполнили порученное вам дело, вы принесете мне эти шкуры обратно, – указал Токхарт на драконьи шкуры, наполненные золотом. – И в подробностях расскажете обо всем, что видели на острове, поэтому постарайтесь запомнить даже самые незначительные мелочи – от этого будут зависеть ваши собственные жизни и жизнь Айсшаи!

И помните: на обратном пути вы будете уже обычными странствующими драконами, а потому в безопасности вы будете только на острове Богардиона – любые склоки там запрещены. Покинув же остров, вы в любой момент можете подвергнуться нападению других странствующих драконов, возможно даже тех же самых, с которыми вам доведется разделить путь на остров, поэтому будьте бдительны и осторожны!

– Что ж, я все сказал, и уже светает... – после недолгой паузы молвил Токхарт и задумчиво посмотрел в сторону светлевшего на востоке неба. – А это значит, что вам пора отправляться в путь!

Не проронив ни слова, близнецы расправили крылья, подхватили приготовленные Токхартом шкуры с золотом и взмыли вверх. По его совету они тут же набрали высоту и, не оглядываясь, направились в указанную им сторону. Токхарт же немного задержался на утесе, и лишь когда близнецы скрылись из виду, направился в обратный путь.

В первые дни пути перед близнецами открывался уже знакомый им, ничем не примечательный унылый пейзаж из равнин, степей и полупустынь, кое-где скрашенный оазисами из небольших островков травы и низкорослых деревьев в редких местах, где подземные ключи пробивали себе выход из-под земли. Зоркий взор драконов не наблюдал опасности, и близнецам представилась возможность обдумать и обсудить их положение.

Несмотря на то, что Токхарт выставил данное им поручение в виде наказания, близнецам начинало казаться, что скорее он оказал им честь. Ведь, как говорила им Айсшая, в данное путешествие Токхарт отправлял самых выносливых драконов, ведь он, как предводитель клана, лично заинтересован в успехе их миссии, потому что, в случае провала, кара Богардиона обрушится в первую очередь на его голову. С другой стороны, среди молодого поколения драконов близнецы были действительно на голову больше, сильнее и выносливее прочих драконов, однако, почему Токхарт не отправил с этим поручением уже проделывавших этот путь ранее драконов, близнецам оставалось неясным. Разумеется, хотя бы один из них может погибнуть в пути, и, возможно, таким образом Токхарт просто перекаладывал роль палача, воздающего справедливое возмездие за их непослушание, со своих плеч на долю потенциальных опасностей, которые могут повстречаться на их пути?..

Как бы то ни было, путешествие стало увлекать близнецов все больше и больше, и когда скучные пейзажи из жухлой травы стали постепенно сменяться буйной, сочной, яркой зеленой растительностью, землю стала пронизывать сеть из все расширяющихся водных вен и артерий, а на смену плоским равнинам пришли холмы, горы и овраги, все мысли о причинно-следственных связях поступков Токхарта оставили молодых драконов, поглощенных изучением открывшегося им нового мира. Влекомые жаждой познания, близнецы не могли удержаться от того, чтобы не оставить безопасную высоту и не спуститься ниже. К тому же на земле им стали встречаться новые, доселе невиданные ими существа, некоторые из которых сбивались в огромные стада, и близнецам не терпелось отведать их на вкус.

Разумеется, об осторожности они не забывали, и когда один брат охотился, другой охранял их драгоценный груз, когда один ел или спал, другой наблюдал за небом и окрестностями, и прежде, чем подняться с земли в воздух, они всегда старались убедиться, что вокруг, куда хватало взора, не наблюдается других драконов. Однако, несмотря на соблюдаемые ими меры предосторожности, встречи с другими драконами им избежать не удалось.

Встреча эта случилась в последней четверти фазы луны, когда близнецы уже практически достигли морского побережья, и морской бриз то и дело уже доносил до их носов новый для них, солоноватый запах большой воды. Пищи по мере их приближения к морю стало становиться меньше, и, помня о том, что им предстоит еще немалый путь вдоль самой кромки воды, близнецы благоразумно решили как можно лучше подкрепить свои силы сейчас, пока пищи еще было достаточно. Поэтому они, выдерживая до этого довольно быстрый темп перелета, решили сделать первую столь длительную остановку в пути и ближайšie пару дней уделить исключительно охоте.

Второй день уже близился к закату, и, доедая очередную свою добычу, молодые драконы заметили, что на горизонте быстро почернело небо, а темноту его периодически пронизывали жилы молний. Вскоре налетели порывы сильного ветра. Близился мощный грозовой фронт, и даже опытные взрослые драконы предпочитали не летать сквозь грозовые тучи и пережидать шторм на земле. Поэтому близнецы были вынуждены найти себе уютное убежище в низине

среди больших валунов, начавших все чаще и чаще встречаться им на местности, и на время грозы вынужденно продлить свою и так уже затянувшуюся остановку.

Буря разразилась посреди ночи. С треском разорвав тяжелые низкие облака, на землю обрушились потоки воды. Вода хлестала близнецов сверху и с боков, и вскоре их убежище стало медленно заполняться водой. Привычные к песчаным бурям, но доселе не испытывавшие на себе подобного буйства стихии, в какой-то момент близнецы испугались, что вода заполнит все вокруг, и они утонут (ведь всем драконам с детства внушают, что плавать им не дано, а глубокая вода – их злейший враг и чуть ли не главная смертельная опасность для них). И они, после очередного оглушительного раската грома, не сговариваясь, вырвались из своего убежища на открытое пространство вокруг. И тут же замерли на месте, ошеломленные увиденной ими картиной. Вокруг них, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, возвышались громоздкие темные фигуры, превратившиеся при следующем разряде молний в прибрежных драконов.

– Так-так-так, – прошипел один из них, стоявший прямо напротив близнецов, и сделал шаг к ним навстречу. – Кто это тут у нас? Неужто песчанки?! И что же вы забыли тут на побережье?..

– Странствуем в поисках лучшей жизни! – нашелся, что ответить, Сильмарион, стараясь прикрыть своим телом шкуру с золотом.

– Вдвоем? – рассмеялся дракон. – Никогда не встречал пару странствующих драконов!

– Вас-то тут даже побольше будет, и что же?! – с вызовом ответил ему Викарион. – Вы сами-то что тут делаете?!!

– Какая строптивая песчанка! – раздался низкий бас прямо над ухом Викариона. – А что это вы тут спрятать под собой пытаетесь?

– Прочь!!! – мгновенно ошетинились оба брата, расправив крылья и встав спина к спине. – Убирайтесь!!!

Окружившие их драконы только рассмеялись.

– Отважные песчанки! Это похвально! – сказал третий дракон. – Небось, несете золото на остров Богардиону? Сейчас как раз такая пора!

– Не ваше дело! – огрызнулся Викарион и приглушенно зарычал, озираясь по сторонам и пытаясь предугадать, кто из окруживших их драконов нанесет первый удар.

– Ладно, остыньте! – молвил первый дракон. – Мы не собираемся вас грабить или убивать! Обычай нам этого не позволяют! Мы тоже держим путь на остров!

– Это у нас такие шутки! – объяснился второй дракон и в подтверждение своих слов предъявил близнецам огромный промокший насквозь тюк из неизвестного им материала, доверху заполненный золотом.

– Можете присоединиться к нам, если хотите! – предложил один из драконов. – Не часто доводится держать путь вместе с песчаными драконами – быть может, у вас найдется для нас какая-нибудь занимательная история?

– Мы не знаем никаких историй! – все еще недоверчиво озираясь по сторонам, выпалил Сильмарион.

– Ну, как бы то ни было, наше предложение остается в силе, покуда не закончится гроза! – ответил ему все тот же дракон. – После нее мы сразу же отправимся дальше! Чтоб вас не смущать, мы расположимся чуть поодаль!..

И, как по команде расправив крылья и разметав вокруг себя фонтаны брызг и капель дождя, драконы перемахнули через головы близнецов и скрылись в темноте. А близнецы так и продолжали стоять спина к спине еще какое-то время, и перед глазами у них возвышались под струями дождя темные фигуры прибрежных драконов с черными грубыми шкурами, горящими желтым светом устремленными на них глазами и торчащими из пастей длинными острыми клыками.

Когда первый шок и оцепенение прошли, близнецы опустились на землю и обхватили шкуры с золотом. Они понимали, что сейчас им предстоит принять очень важное для себя решение – присоединиться ли к группе прибрежных драконов или же продолжать путь в одиночку. Поразмыслив некоторое время в молчании, они обсудили все аргументы «за» и «против» обоих вариантов продолжения пути, и пришли к выводу, у них нет оснований не доверять намерениям встреченных ими прибрежных драконов – если бы те действительно хотели убить их и присвоить себе их золото, лучшей возможности для этого, чем у них была, трудно себе представить. Продолжать путешествие в группе гораздо безопаснее, собственно, как и советовал им Токхарт, тем более от этих драконов можно узнать много нового, да и отделаться от них, если у тех появится желание навязаться в попутчики близнецам, не представлялось возможным – группа действует слаженно и явно уже не в первый раз проходит этот путь. Поэтому, когда на рассвете робкое солнце разогнало серые тучи выдохшейся за ночь грозы, а в его косых лучах в переполненном влагой воздухе заиграли кусочки радуги, близнецы выдвинулись в дальнейший путь уже в составе группы прибрежных драконов.

Группа состояла из 12-ти драконов, каждый – представитель отдельного клана. Клань были соседствующими, и драконы в них были лояльны по отношению друг к другу. Поскольку социальное устройство в кланах прибрежных драконов представляло собой подобие львиного прайда, когда под главенством и защитой одного альфа-самца собиралось несколько самок (у драконов, как правило, до 20-ти), что, само собой, не предполагало длительных отлучек предводителя из клана, к неожиданной радости близнецов все драконы в группе оказались самками. Все были довольно зрелые, опытные, сильные и выносливые особи, самой младшей из которых было 35 лет, а самой старшей – 59, и которые действительно уже не раз вместе проделывали путь на остров Богардиона. И, несмотря на то, что самки драконов значительно меньше самцов, все они были крупнее близнецов и даже больше многих взрослых песчаных драконов-самцов из клана Токхарта. После их первой ночной встречи близнецы поначалу относились к драконихам несколько боязливо и недоверчиво, но те оказали им довольно радушный прием, и вскоре напряжение между ними спало.

В пути близнецы много общались с драконихами: те стремились узнать побольше о жизни песчаных драконов, а близнецы – о жизни прибрежных кланов. Заодно драконихи поведали им и нерассказанные их матерью подробности восхождения Богардиона на вершину драконьей иерархии. Особенно поразило близнецов известие о том, что великий Богардион не чурался каннибализма и поедал всех поверженных им драконов, что и стало источником небывалой силы для него. Вместе с тем это заставило их сильно задуматься, почему же другие драконы в угоду установленным издревле обычаям и порядкам сознательно отказываются от такого грандиозного могущества, которое легенды приписывают Богардиону? Эти мысли и эта история поселили смутное волнение в душах обоих братьев, и заставили их с еще большим нетерпением ждать прибытия на остров, чтобы воочию убедиться в исполинских размерах и мощи знаменитого дракона.

Совместное путешествие проходило гладко. Помимо общения с драконихами, близнецы не переставали восхищаться открывшейся им на следующий день после их присоединения к группе и простиравшейся, покуда охватывал взор, водной гладью океана, отнюдь не вызывавшей у них благоговейного страха, который пытались внушить им мать и Токхарт. Однако сверкавший каждый день в лучах солнца водный массив и не манил их к себе – им хотелось его созерцать, но не погружаться в него и не парить над его гладью, им в нем чувствовалось что-то отталкивающее. Драконихи также не жаловали океан.

По мере приближения группы к песчаному пляжу, откуда им предстояло пуститься в путь над морем, периодически им стали видеться на горизонте другие одинокие драконы с мешками в лапах, двигавшиеся в попутном с ними направлении. Однако, завидев группу, эти драконы

всегда стремились скрыться из виду, несмотря даже на то, что некоторые были значительно крупнее каждого отдельно взятого члена их группы.

– Размер не всегда имеет решающее значение, – говорила близнецам Мармадилла, одна из драконых помоложе. – Наша сила и преимущество, а, соответственно, и безопасность заключаются в нашей численности. Если б мы путешествовали поодиночке и повстречали странствующего дракона таких размеров, он непременно бы разорвал любую из нас и отобрал бы наши подношения. Однако справится с несколькими драконами, действующими совместно и слаженно, не в силах даже очень крупная особь! Раньше драконы не были склонны к коллективным действиям, но, рассказывают, после того, как Богардион обложил кланы данью, это изменило многое, и драконы со временем были вынуждены научиться действовать сообща.

– В наших краях – это залог выживания! – подтверждали ее слова близнецы.

В один из дней, когда уже скоро должен был появиться искомый ими песчаный пляж, группа наткнулась на тушу мертвого дракона. Он лежал на камнях у кромки воды в странной неестественной позе – все тело его было выгнуто назад, голова запрокинута почти к самой спине, пасть открыта. Вокруг пасти и головы дракона виднелись следы еще не опавшей до конца желтой пены, ноздри дракона также были забиты ей. Из глазниц дракона торчало несколько длинных прямых палок, а некоторые зубы были вырваны из пасти. Неподалеку от тела несчастного дракона лежала, омываемая морским прибоем, разорванная туша лошади.

– Что с ним произошло? – удивился Сильмарион. – Не похоже, чтобы это сделал другой дракон...

– Это сделали люди – так эти существа себя называют! – ответила ему Сцинеллаида, самая старшая из членов группы самка. – Посмотрите на воду – там виднеются изделия, на которых они передвигаются. Они называют их галерами!

Близнецы посмотрели вдаль, куда указывала им Сцинеллаида, и увидели на горизонте странные, удаляющиеся от них предметы, двигавшиеся по поверхности воды.

– Они прикрепляют к другим животным какие-то штуки и оставляют их свободно гулять, а сами прячутся где-нибудь в засаде и ждут. Когда голодный дракон нападает на животное и вместе с его мясом употребляет в пищу закрепленные на его боках вещицы, дракону вскоре становится очень плохо, он теряет рассудок, начинает трястись и валяться на земле, и пена идет у него из пасти. Тогда-то люди выскакивают из своих укрытий и добивают дракона своими орудиями! – рассказывала близнецам Сцинеллаида, когда они продолжили путь. – У того, что мы видели на берегу, шкура уже довольно прочная, поскольку он уже вырос, и их орудия не в состоянии проткнуть ее, поэтому они били его в глаза. Однако у молодых драконов, как вы, например, шкура не такая прочная, и у людей есть блестящие когти, которые могут ее разрубить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.